

— Ха-ха-ха, про процесс творения вы замечательно подметили! — развеселилась я, напрочь забыв свои предыдущие мрачные ощущения.

— Молодость, все бы вам активничать да двигаться, а мама твоя ловит каждую минуту рядом с тобой, чтобы успеть передать свою любовь. Не уезжай надолго, нам здесь плохо без тебя! Вот тебе на дорогу манную бабку испек, держи, а то похудеешь и не вернешься. Счастливого пути! — совсем другим голосом закончил нашу беседу дядя Рафаил и протянул мне круглый сверток, а потом встал и скрылся за дверью подъезда.

В тот же вечер московский полупустой поезд уносил меня прочь. Маленький такой поезд, скукожившийся до шести вагонов. Не то что сорок лет тому назад, когда под громкий марш «Дорогая моя столица...» длинный и блестящий состав из двадцати вагонов, заполненный орущими, поющими и смеющимися людьми, уходил на восток, в столицу нашей общей

могучей Родины. Перестали ездить люди на восток, все больше уезжают теперь на запад, в Европу.

Высокая дородная проводница, затаенная в голубую железнодорожную форму, зашла в купе:

— Здравствуйте, ваш билет, — приветливо обратилась она ко мне. — До Орши следуете?

— Да, до Орши, на родину своего отца, вот хочу увидеть тетю, пока она еще жива, — решила я поддержать разговор.

— Значит, земляки, я ведь родом из Шкловского района. Слава богу, выбралась из этой грязи и глухомани, да и деревни моей уж нет, старики поумирали, а молодые разъехались. Вы зачем к тетке спешите, если не секрет? — поинтересовалась она, пряча мой билет в карманчик папки.

— Надеюсь поговорить с ней о семье нашей, истории, традициях, может, старые фотографии переснять, иконы, рушники увидеть, — начала я ни к чему не обязывающий разговор в поезде.

— Да какие традиции, грязизна одна, да хаты полуразвалившиеся. Смешно даже, зачем вам эти тряпки — рушники? Ни рук ими не вытереть, ни полы помыть, бесполезная в хозяйстве вещь. Не любитель я таких изысков, не понимаю эти народные промыслы, пустая трата денег. В детстве находилась по краеведческим музеям, учительница у нас была повернутая на истории родного края — вообще сейчас не тянет. Я считаю, что такое должно лежать в музеях, дома ни к чему. Сама лично люблю все хайтековское, лаконичное, космическое, — разоткровенничалась проводница.

— Неужели не интересно знать, кто были ваши предки, откуда пришли? — удивилась я.

— К чему? Наследства мне они не оставили, а байки собирать ни к чему, я и сама их придумать умею. В наш век меньше знаешь — лучше спишь. Вот, к примеру, сегодня весь день пассажиров высаживали не на перрон, а через другие двери, через пути выводили, чтобы те, значит, на привок-

зальную площадь и центральные улицы попасть не могли. А зачем, спрашивается? Не моего ума дело. Нелюбопытный наш народ, болото напоминает: все в себя засасывает, а наружу только буль-буль. Так чай пить будете? Душистый, с чабрецом! — вставая, спросила проводница.

Я отхлебывала терпкий чай из граненого стакана в стальном подстаканнике и думала о том, что и чай этот, и стакан с подстаканником — тоже старая традиция путешествия. Сколько всего поменялось, а она осталась.

Последнее время мне кажется, что я живу внутри какой-то сферы и стоит мне чем-то заинтересоваться, как со всех сторон начинают открываться дверцы или выдвигаться ящички, где лежит то, что меня интересует. Интернет открывается на нужной в данный момент информации. По телефону звонят люди и приглашают меня в гости, где я нахожу интересные меня предметы и сведения. И даже птицы и коты выводят меня именно к тому месту и к тем событиям, что в настоящее время созвучны моим мыслям. Я становлюсь эдаким музыкантом, что слышит и видит музыку во всем окружающем его мире и только записывает ее на нотном стане. Ведь ласточки на проводах так похожи на ноты, а шелест листьев и звон капли придают этой гармонии особые оттенки.

Поезд остановился на станции Могилев. Немногочисленных пассажиров спокойно выпускали на перрон — то ли потому, что длинный летний день подошел к концу и больше не предвиделось спецкортежей, то ли потому, что сюда кортежи вообще не добирались. В окно своего купе при свете вокзальных огней я увидела странную бронзовую фигуру станционного смотрителя с фона-

рем в одной руке и часами в другой, такую уютную и спокойную, что мне захотелось выйти и посмотреть на памятник поближе. Как только я приблизилась к нему, рядом материализовался местный страж порядка и обратился ко мне все с тем же вопросом: кто я такая и что я здесь делаю? Да, бдительность в этой стране была на высоте! Я вернулась в вагон, поезд тронулся, а через час показались огни Орши, где меня должна была встречать моя кузина Янина.

**КАРТИНКА 7.
ХРАНИТЕЛЬНИЦА.
МАРШРУТ: ВСТРЕЧА
С ЯНИНОЙ —
ДЕДОВСКАЯ
ХАТА — ТЕТЯ
ОЛЯ — ЗОЯ — ТАЙНОЕ
ЗНАНИЕ И РЕМЕСЛО —
ГРИГОРИЙ И ЧЕРНАЯ
КНИГА — РУШНИКИ —
ОХРАННЫЕ
ПОЯСА —
ПРОЩАЛЬНЫЙ
ПОДАРОК**

Около одиннадцати вечера я покинула уютный поезд и пристроилась на перроне в ожидании встречающих меня родственников. По железнодорожной платформе спешила статная женщина средних лет с пышной косой, в цветастом платье и загорелая настолько, что, казалось, будто яркий сарафан, белозубая улыбка и шапка белых волос сами по себе летели вдоль состава в поисках чего-то или кого-то. Это была моя двоюродная сестра Янина, а не виделись мы лет этак тридцать. Обнялись, рассмеялись, поплакали, потрогали друг друга руками, как бы проверяя, не сон ли наша встреча, и поехали к ней домой.

— Вначале пойдем в баню, сестренка, с настоящими бере-

зовыми вениками, я тебя попарю, а потом медом намажу. Да не бойся, настоящим, с нашей пасеки. Как я рада, что ты наконец-то решила добраться до нас, а то мама замучила меня совсем, допытываясь: «Когда Базылева дачка приедет?» — звонко, совсем по-девичьи щебетала Янина. — Ну, думаю, чудит старая, ведь уже девяносто пятый год ей пошел. Зачем ты ей? Вспоминала она тебя в своих молитвах, память у нее отменная, повторит всех родственников, как живых, так и умерших. Последнее полгода каждый день про тебя спрашивала, а тут ты сама звонишь и говоришь, что приедешь. Чудно! Так что завтра утром поедем к ней, молочка отвезем, творога и меда, больше она уже давно ничего не ест. Живет твоя тетка в дедовской хате, в той, что отец еще твой строил. Одна живет во всей деревне, соседка ее, бабка Федора, померла прошлым летом. Слепая мама уже на один глаз, согнутая, табуретку перед собой двигает и тащится так за ней, а переезжать ко мне не хочет ни в какую. Да не смотри на меня так, сестренка, ты же знаешь характер моей мамы, если сказала, что помирать будет в родительском доме, значит, так тому и быть.

Баня, чай да разговоры до утренней зорьки сделали свое дело, я уснула мертвецким сном. Ни крик горластого, наглого петуха с сине-рыжим хвостом, ни шум техники, выходящей в поле, ни утреннее мычание коров не могли разбудить меня, поэтому, к своему стыду, проснулась я почти в полдень, когда Янина уже вернулась с работы на обед.

— Просыпайся, ленивица городская, всю красоту и силу проспичь, умывайся, пей молоко, и поехали к маме, — разбудил меня раздавшийся над самым ухом кузинин голос. — А то

сейчас наберу колодезной воды да будить тебя стану! Что испугалась? Сразу вскочила с кровати, — шутила Янина, доставая из печи дымящийся чугунок с картошкой и водружая его на стол, где уже шкворчала сковорода с янтарной яичницей и розовым салом, а в миске лежали пупырчатые, маленькие, только что из парниковых грядок огурчики, редиска, укроп и перья зеленого лука. Как же все это было вкусно и весело есть, запивая парным молоком дневной дойки.

Через час мы уже подъезжали к деревне, где жила тетя Оля.

— Вот так и езжу каждый день к маме в обед, проведать, печь протопить, воды наносить, еды привезти, благо всего десять километров. Телефон у нее мобильный теперь есть — позвонить может мне в любое время, — рассказывала про свое житье-бытье Янина, ловко управляя старенькой «Нивой» и объезжая рытвины грунтовой дороги.

Мы миновали большое деревенское кладбище и свернули на улицу, скорее похожую тоже на погост: с мертвыми домами и забитыми досками окнами. И вдруг над нами пролетел черный аист.

— Аисты-отшельники поселились в деревне лет десять тому назад. Это белые птицы детей и счастье приносят, а черные аисты покой берегут, чураются они людей, — поясняла Янина. — Вот мы и прибыли, помнишь дедовский дом? Как ты маленькая баловалась на качелях, что висели под тем дубом, а веревка оборвалась и ты чуть не убилась? — спросила кузина, остановив машину перед бревенчатым домом с голубыми резными ставнями и тремя кряжистыми старыми березами под окнами.

Не помнила я ничего, позднее мне мама уже совсем взрослой

рассказывала, что тогда я упала и сильно распоролa лицо веткой. Кровь хлестала ручьем из рваной раны на щеке. Прибежала тетя Оля, зачерпнула миской дождевой воды из ведра, пошептала что-то в нее и стала лить мне на рану, кровь свернулась, а рубец под тетиной рукой начал бледнеть и таять. Потом тетка дала мне выпить той же воды из миски, и я заснула. Проспала часов десять, а когда открыла глаза — на лице даже шрама не осталось, и не помнила я ничего. Если бы не собственная мать рассказала об этом, никогда бы не поверила!

Я вышла из машины, погладила березы и почему-то поклонилась дому. Сердце билось часто-часто, почувствовав, что вернулось на родину предков. Янина открыла дверь в избу и позвала:

— Здравствуй, мама, посмотри, кого я тебе сегодня привезла!

— Здравствуй, родная! Пропажу мне притащила, Базылеву дачку, уж с полгода, как я ее чакаю, доехала наконец-то. А я все тебе весточки шлю, племянница, то с молитвой, то со сном, то жабаняток пошлю, то ворон, то кота, вот ты ее получила и приехала, — распевно, как сказку сказывая ребенку, начала разговор моя тетя. — Ты иди, Янина, блинов нам напеки, не мешай, поговорить нам надо, пока я еще жива.

На кровати, придвинутой поближе к изразцовой печи, лежала высокая, худощавая старая женщина с таким родным и красивым лицом, похожим на папино, с глазами, как у него, чистыми и зелеными, только уже почти слепыми.

Мы обнялись, пожатие пальцев ее было на удивление крепким и сильным, столько лет работали на земле эти руки и мощь свою даже в старости не потеряли.

— Как вы, тетя Оля, здесь одна живете, не боитесь, и не скучно

вам, почему к дочери на покой не едете? — выпалила я первое, что пришло на ум, пытаюсь скрыть слезы.

— Скучно, конечно, слепая, работать не могу, разве только что одеяла еще плету, руки и так без глаз все помнят. Гостей у меня много бывает: Янина каждый день приезжает; внучка моя Марьяшка часто подскакивает, а уж жабанятки да птушки, так те так и шастанут цельный день. Опять же два кота у меня живут: Базыль и Лемша, как лягут на хворые ноги, так все урчат и лечат меня. Переезжать к Янине я не буду, и не уговаривай, в родной хате умереть — большое счастье надо иметь, заслужить надо. В деревне никого не осталось, а погост хранить надо, положено так. Вот пока новый хранитель не поселится, мне жить придется, хоть и устала я. Жить одной, конечно, страшно, дверь-то на запор не зачынняется. Ветер и медведь ее не откроют, потому как я заговор специальный, охранный против зверья знаю, а людишки лихие за изразцами печными да иконами захаживали, так их Зоя прогнала, — рассказывала мне тетя Оля про свое житье-бытье, поглаживая огромного полосатого рыжего кота, похожего размерами скорее на карликового тигра.

— Это, что ли, Зоя? — удивилась я, указывая на серьезных размеров принадлежности кошачьего самца.

— Ну ты шутница, племянница, это же рыжий Лемша, кот. Он, конечно, зверюга серьезный, лису прогнать может, ласку, хорька, собаку прибудную, но человека нет. Хочешь с Зоей познакомиться, пойдй в сенцы, возьми молочка и налей в крынку, что стоит возле кровати, это ее мисочка, — сказала старая женщина и потянулась за своей

палкой. — Иди-иди, за чем послала, чего ждешь?!

Я принесла кружку молока и вылила в указанную мне посудину, после чего тетя взяла свою палку и стала ею постукивать по бревнам дома. Чудно так постукивать, особым рваным ритмом. И тут я с ужасом увидела, как с печки высунулась уплощенная змеиная голова — и пестрая, почти двухметровая лента с красновато-медным орнаментом на спине и сероватым брюхом, стала спускаться по стене дома к миске с молоком. Кот Лемша и я, задержав дыхание, замерли.

— Зоя-Зоя, девочка моя, защитница и подружка лет моих последних, кушай, родная, кушай, — ласково приговаривала пожилая женщина, улыбаясь каким-то своим воспоминаниям. Змея попила немного молока и вернулась к себе на печку. — Видела, племянница, разве мне с такой хранительницей-гадюкой может быть кто страшен? Да и потом, топор у меня лежит под подушкой, рука-то еще крепкая. Не веришь? Сейчас покажу! — Тетя Оля засунула руку под подушку и ловким, привычным жестом достала из-под нее ладный, небольшой топорик. — Голову, конечно, злодею не проломлю — зачем грех брать на душу, когда встреча с Господом так близка, но пальцы лиходею порубить сил и сноровки еще хватит.

Я порывисто встала и подошла к старой изразцовой печи, где каждая щербинка и изгиб были знакомы, погладила их, возвращаясь мыслями туда, где все еще были молоды и живы.

— Что бороздки на печке трогашь, племянница, помнишь, как ты вместе с Женей, сыном моим покойным, брали по острому гвоздю и выковыривали глину между

изразцами, а потом, спрятавшись, ели ее? — рассмеялась тетя Оля непонятным для меня каким-то внутренним смехом, точно определив, что я делаю.

Касаясь пальцами глины и воспоминаний своего детства, я старалась скрыть озноб и согреться у печи, вжаться в нее, спрятаться от стыда перед этой такой невозможно сильной и мудрой женщиной — стыда за то, что так долго к ней шла.

— Ну что, напугала я тебя, Пропажа, теперь врать не будешь, говори, зачем приехала ко мне, старухе? — сурово спросила меня она.

— Тетя Оля, расскажи мне о тайном знании и ремесле нашего рода, о книгах, иконах, старинных рушниках, — вырвалось у меня.

— Ишь ты, о тайном знании и ремесле! Этому только старшего сына в семье учили. Мой дед Левон знатным знахарем был. К нему со всей Польши, Балтийских земель и Полесья люди исцеляться спешили. Науку свою и силу вместе с черной книгой он передал моему дяде Григорию. Я же только несколько заговоров знаю, запомнила девочкой, когда у деда под ногами крутилась. Книги же той черной больше нет, спалила ее третья жена Григория, Улита. Дядька был большой мужской силы мужик, вот бабы его и любили до самой смерти. Улита ревновала его сильно и считала, что секрет его мужского естества заключен в той книге. Помню, как-то идет Григорий по деревне, а было ему тогда лет восемьдесят пять, навстречу ему парень молодой. И давай этот хлопек над дядькой моим скалиться, что, дескать, сморчок тот старый и корешок у него отвалился уже. А Гриша дунул на него дымом самокрутки и прошамкал:

«У меня-то корешок на месте, а вот твой к вечеру сморщится совсем. Как извиниться захочешь, так пусть баба твоя поросенка заколет и мне принесет в подарок, может, тогда и прощу тебя, дурака!» Через три дня прибегает жена того парня нерадивого вся в слезах, а на спине тащит мешок с поросенком. Вот таким шутником был мой дядя Григорий. Рушников же в нашем роду женщины не ткали. За ними моя бабка Левониха в соседнюю деревню ездила. Жила там одна ведунья, что прядла их на рождение ребенка, на похороны человека, на свадьбу, гадала на рушнике камушками на судьбу. Окна занавесит, откроет сундук, достанет оттуда рушник и камушки на него разбросит — и расскажет все, что будет. Времена тогда были сложные, многих людей она от беды и смерти спасала. Верили ей сильно. Рушник, он ведь от слова «рух», или «путь», рушит любые преграды и стены, даже между мирами. Нет больше старых рушников, спалили их немцы вместе с ведуньей и со всей деревней. Донесли полицаи, что у нее есть рушники еще столетней давности, с огневицами, теперь это свастикой называется. Приехал эсэсовец в черном плаще, все те рушники забрал, а деревенских каратели согнали в большой колхозный амбар, двери подперли и сожгли всех живьем, — рассказывала тетя Оля, плетя одеяло. — Что смотришь на руки мои, как замороженная? Правильно понимаешь: книги да знания — это для мужчин, а у нас, женщин, иное ведовство. Мы живем и говорим сердцем, а любовь свою передаем через руки: то ли обед готовим, то ли рубаху мужу стираем, то ли детей купаем. Если с любовью это делаем, то и в семье все хорошо ладится, а если со злобой, то беда одна будет.

Меня моя бабка Левониха пояса плести учила из нитей льняных: белых и красных. Охранные пояса мы делать умели, если кто на войну или в лагерь попадал. От болезней их плели — на приворот здоровья, на сохранение девочек от лиходеев разных повязывали. Если такой девичий пояс молодка замужняя надевала, то бесплодной оставалась. Только учиться этому надо с детства, пока сердце в суете коркой не покрылось и родную сторонку слышать может, поскольку какой узор делать и как нить вплетать, земля говорит по молитве ведуньи. Вот это самое сложное — научить свое сердце слышать, а руки быстро учатся. Все дети мои и внуки выросли, последней Марьяша

родилась. Вот ее-то сердечко почти с рождения понимало, как ниточки плести. Смотрю на нее, а ей тогда годика три было, сидит со мной рядом и из ниток ремешок мудрит. Затем пошла к кошке нашей, надела его ей на шею и приговаривает: «Лови мышек, лови мышек!» И что ты думаешь, кошка начала на крыльцо в хату словленных и придушенных ею мышей десятками приносить. После этого я и поняла, что дар моей бабки Левонихи к Марьяше перешел. — Тетя Оля помолчала, потом опустила руку в карман своей куртки и достала оттуда красно-белого плетения пояс с точно таким же зигзагообразным узором, что был на спине змеи. — Вот держи, племянница, прощальный

тебе подарок от меня — охранный гадючий пояс. Сбережет он тебя от многого и приведет туда, куда сама хочешь. Иди, устала я, отдыхать буду.

Я поцеловала тетю Олю, прижав свое лицо к ее ладоням, точно зная, что видимся мы в последний раз. За моей спиной скрипнула половица, и Янина потянула меня за плечо:

— Пойдем, сестренка, видишь, уснула мама, совсем слабенькой она стала, ни к чему эти слезы при расставании, попрощалась она уже с тобою. Бессмертных нет — сама знаешь. Заезжай к нам, когда сможешь. Здесь родина твоего отца, а значит, и твоя. Поедем поснедаем, да на вокзал я тебя отвезу к московскому поезду.

Продолжение следует.

СПИ

